

Крокодил

Автор:

Федор Достоевский

Крокодил

Федор Михайлович Достоевский

«Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвеича, образованного друга моего, сослуживца и отчасти отдаленного родственника, пожелала посмотреть крокодила, показываемого за известную плату в Пассаже. Имея уже в кармане свой билет для выезда (не столько по болезни, сколько из любознательности) за границу, а, следовательно, уже считаясь по службе в отпуску и, стало быть, будучи совершенно в то утро свободен, Иван Матвеич не только не воспрепятствовал непреодолимому желанию своей супруги, но даже сам возгорелся любопытством...»

Федор Михайлович Достоевский

Крокодил

Необыкновенное событие, или пассаж в пассаже

Oh? Lambert! O? est Lambert?

As-tu vu Lambert?[1 - Эй, Ламбер! Где Ламбер? Видел ты Ламбера? (франц.)]

Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвеича, образованного друга моего, сослуживца и отчасти отдаленного родственника, пожелала посмотреть крокодила, показываемого за известную плату в Пассаже. Имея уже в кармане свой билет для выезда (не столько по болезни, сколько из любознательности) за границу, а, следовательно, уже считаясь по службе в отпуску и, стало быть, будучи совершенно в то утро свободен, Иван Матвеич не только не воспрепятствовал непреодолимому желанию своей супруги, но даже сам возгорелся любопытством. «Прекрасная идея, – сказал он вседовольно, – осмотрим крокодила! Собираясь в Европу, не худо познакомиться еще на месте с населяющими ее туземцами», – и с сими словами, прижав под ручку свою супругу, тотчас же отправился с нею в Пассаж. Я же, по обыкновению моему, увязался с ними рядом – в виде домашнего друга. Никогда еще я не видел Ивана Матвеича в более приятном расположении духа, как в то памятное для меня утро, – подлинно, что мы не знаем заранее судьбы своей! Войдя в Пассаж, он немедленно стал восхищаться великолепием здания, а подойдя к магазину, в котором показывалось вновь привезенное в столицу чудовище, сам пожелал заплатить за меня четвертак крокодильщику, чего прежде с ним никогда не случалось. Вступив в небольшую комнату, мы заметили, что в ней кроме крокодила заключаются еще попугаи из иностранной породы какаду и, сверх того, группа обезьян в особом шкафу в углублении. У самого же входа, у левой стены, стоял большой жестяной ящик в виде как бы ванны, накрытый крепкою железною сеткой, а на дне его было на вершок воды. В этой-то мелководной луже сохранялся огромный крокодил, лежавший, как бревно, совершенно без движения и, видимо, лишившийся всех своих способностей от нашего сырого и негостеприимного для иностранцев климата. Сие чудовище ни в ком из нас сначала не возбудило особого любопытства.

– Так это-то крокодил! – сказала Елена Ивановна голосом сожаления и нараспев. – А я думала, что он... какой-нибудь другой!

Вероятнее всего, она думала, что он бриллиантовый. Вышедший к нам немец, хозяин, собственник крокодила, с чрезвычайно гордым видом смотрел на нас.

– Он прав, – шепнул мне Иван Матвеич, – ибо сознает, что он один во всей России показывает теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замечание я тоже отношу к чрезмерно благодушному настроению, овладевшему Иваном Матвеевичем, в других случаях весьма завистливым.

– Мне кажется, ваш крокодил не живой, – проговорила опять Елена Ивановна, пикированная неподатливостью хозяина, и с грациозной улыбкой обращаясь к нему, чтоб преклонить сего грубияна, – маневр, столь свойственный женщинам.

– О нет, мадам, – отвечал тот ломаным русским языком и тотчас же, приподняв до половины сетку ящика, стал палочкой тыкать крокодила в голову.

Тогда коварное чудовище, чтоб показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостом, приподняло рыло и испустило нечто подобное продолжительному сопенью.

– Ну, не сердись, Карльхен! – ласкательно сказал немец, удовлетворенный в своем самолюбии.

– Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, – еще кокетливее пролепетала Елена Ивановна, – теперь он мне будет сниться во сне.

– Но он вас не укусит во сне, мадам, – галантерейно подхватил немец и прежде всех засмеялся остроумию слов своих, но никто из нас не отвечал ему.

– Пойдемте, Семен Семеныч, – продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мне, – посмотримте лучше обезьян. Я ужасно люблю обезьян; из них такие душки... а крокодил ужасен.

– О, не бойся, друг мой, – прокричал нам вслед Иван Матвеич, приятно храбрясь перед своею супругою. – Этот сонливый обитатель фараонова царства ничего нам не сделает, – и остался у ящика. Мало того, взяв свою перчатку, он начал щекотать ею нос крокодила, желая, как признался он после, заставить его вновь сопеть. Хозяин же последовал за Еленой Ивановной, как за дамою, к шкафу с обезьянами.

Таким образом, все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидеть. Елена Ивановна даже до резвости развлеклась обезьянами и, казалось, вся отдалась им. Она вскрикивала от удовольствия, непрерывно обращаясь ко мне, как будто не желая и внимания обращать на хозяина, и хохотала от замечаемого ею сходства сих мартышек с ее короткими знакомыми в друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомненное. Немец-собственник не знал, смеяться ему или нет, и потому под конец совсем нахмурился. И вот в это-то самое мгновение вдруг страшный, могу даже сказать, неестественный крик потряс комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенел на месте; но замечая, что кричит уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и – что же увидел я! Я увидел, – о боже! – я увидел Ивана Матвеича в ужасных челюстях крокодиловых, перехваченного ими поперек туловища, уже поднятого горизонтально на воздух и отчаянно болтавшего в нем ногами. Затем миг – и его не стало. Но опишу в подробности, потому что я все время стоял неподвижно и успел разглядеть весь происходивший передо мной процесс с таким вниманием и любопытством, какого даже и не запомню. «Ибо, – думал я в ту роковую минуту, – что, если б вместо Ивана Матвеича случилось все это со мной, – какова была бы тогда мне неприятность!» Но к делу. Крокодил начал с того, что, повернув бедного Ивана Матвеича в своих ужасных челюстях к себе ногами, сперва проглотил самые ноги; потом, отрыгнув немного Ивана Матвеича, старавшегося выскочить и цеплявшегося руками за ящик, вновь втянул его в себя уже выше поясницы. Потом, отрыгнув еще, глотнул еще и еще раз. Таким образом Иван Матвеич видимо исчезал в глазах наших. Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга, и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвеич со всеми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, как вдруг судьба еще раз захотела вероломно подшутить над нами: крокодил понатужился, вероятно давясь от огромности проглоченного им предмета, снова раскрыл всю ужасную пасть свою, и из нее, в виде последней отрыжки, вдруг на одну секунду выскочила голова Ивана Матвеича, с отчаянным выражением в лице, причем очки его мгновенно свалились с его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтоб еще раз бросить последний взгляд на все предметы и мысленно проститься со всеми светскими удовольствиями. Но не успела в своем намерении: крокодил вновь собрался с силами, глотнул – и вмиг она снова исчезла, в этот раз уже навеки. Это появление и исчезновение еще живой человеческой головы было так ужасно, но вместе с тем – от быстроты ли и неожиданности действия или вследствие падения с носу очков – заключало в себе что-то до того смешное, что я вдруг и совсем неожиданно фыркнул; но, спохватившись, что смеяться в такую минуту мне в качестве домашнего друга неприлично, обратился тотчас же к

Елене Ивановне и с симпатическим видом сказал ей:

- Теперь капут нашему Ивану Матвеичу!

Не могу даже и подумать, выразить, до какой степени было сильно волнение Елены Ивановны в продолжение всего процесса. Сначала, после первого крика, она как бы замерла на месте и смотрела на представлявшуюся ей кутерьму, по-видимому, равнодушно, но с чрезвычайно выкатившимися глазами; потом вдруг залилась раздирающим воплем, но я схватил ее за руки. В это мгновение и хозяин, сначала тоже отупевший от ужаса, вдруг всплеснул руками и закричал, глядя на небо:

- О мой крокодиль, о мейн аллерлибстер Карльхен! Муттер, муттер, муттер!

На этот крик отворилась задняя дверь и показалась муттер, в чепце, румяная, пожилая, но растрепанная, и с визгом бросилась к своему немцу.

Тут-то начался содом: Елена Ивановна выкрикивала, как исступленная, одно только слово: «Вспороть! вспороть!» - и бросилась к хозяину и к муттер, по-видимому, упрасывая их - вероятно, в самозабвении - кого-то и за что-то вспороть. Хозяин же и муттер ни на кого из нас не обращали внимания: они оба были, как телята, около ящика.

- Он пропадиль, он сейчас будет лопаль, потому что он проглатиль ганц чинивник! - кричал хозяин.

- Унзер Карльхен, унзер аллерлибстер Карльхен вирд штербен! - выла хозяйка.

- Мы сирот и без клерб! - подхватывал хозяин.

- Вспороть, вспороть, вспороть! - заливалась Елена Ивановна, вцепившись в сюртук немца.

- Он дразниль крокодиль, - зачем ваш муж дразниль крокодиль! - кричал, отбиваясь, немец. - Вы заплатит, если Карльхен вирд лопаль, - дас вар мейн зон, дас вар мейн айнцигер зон!

Признаюсь, я был в страшном негодовании, видя такой эгоизм заезжего немца и сухость сердца в его растрепанной муттер; тем не менее непрерывно повторяемые крики Елены Ивановны: «Вспороть, вспороть!» – еще более возбуждали мое беспокойство и увлекли наконец все мое внимание, так что я даже испугался... Скажу заранее – странные сии восклицания были поняты мною совершенно превратно: мне показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновение рассудок, но тем не менее, желая отместить за гибель любезного ей Ивана Матвеича, предлагала, в виде следуемого ей удовлетворения, наказать крокодила розгами. А между тем она разумела совсем другое. Не без смущения озираясь на дверь, начал я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливого слова «вспороть». Ибо такое ретроградное желание здесь, в самом сердце Пассажа и образованного общества, в двух шагах от той самой залы, где, может быть, в эту самую минуту господин Лавров читал публичную лекцию, – не только было невозможно, но даже невысказуемо и с минуты на минуту могло привлечь на нас свистки образованности и карикатуры г-на Степанова. К ужасу моему, я немедленно оказался прав в пугливых подозрениях моих: вдруг раздвинулась занавесь, отделявшая крокодильную от входной каморки, в которой собирали четвертаки, и на пороге показалась фигура с усами, с бородой и с фуражкой в руках, весьма сильно нагибавшаяся верхнюю часть тела вперед и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогом крокодильной, чтоб сохранить за собой право не заплатить за вход.

– Такое ретроградное желание, сударыня, – сказал незнакомец, стараясь не перевертываться как-нибудь к нам и устоять за порогом, – не делает чести вашему развитию и обуславливается недостатком фосфору в ваших мозгах. Вы немедленно будете освистаны в хронике прогресса и в сатирических листках наших...

Но он не закончил: опомнившийся хозяин, с ужасом увидев человека, говорящего в крокодильной и ничего за это не заплатившего, с яростию бросился на прогрессивного незнакомца и обоими кулаками вытолкнул его в шею. На минуту оба скрылись из глаз наших за занавесью, и тут только я наконец догадался, что вся кутерьма вышла из ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала, как уже заметил я выше, подвергать крокодила ретроградному и унижительному наказанию розгами, а просто-запросто пожелала, чтоб ему только вспороли ножом брюхо и таким образом освободили из его внутренности Ивана Матвеича.

– Как! ви хатит, чтоб мой крокодиль пропадиль! – завопил вбежавший опять хозяин. – Нетт, пускай ваш муж сперва пропадиль, а потом крокодиль!.. Мейн фатер показаль крокодиль, мейн гросфатер показаль крокодиль, мейн зон будет показать крокодиль, и я будет показать крокодиль! Все будут показать крокодиль! Я ганц Европа известен, а ви неизвестен ганц Европа и мне платит штраф.

– Я, я! – подхватила злобная немка. – Ми вас не пускайт, штраф, когда Карльхен лопаль!

– Да и бесполезно вспарывать – спокойно прибавил я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорее домой, – ибо наш милый Иван Матвеич, по всей вероятности, парит теперь где-нибудь в эмпиреях.

– Друг мой, – раздался в эту минуту совершенно неожиданно голос Ивана Матвеича, изумивший нас до крайности, – друг мой, мое мнение – действовать прямо через контору надзирателя, ибо немец без помощи полиции не поймет истины.

Эти слова, высказанные твердо, с весом и выражавшие присутствие духа необыкновенное, сначала до того изумили нас, что мы все отказались было верить ушам нашим. Но, разумеется, тотчас же подбежали к крокодильному ящику и столько же с благоговением, сколько и с недоверчивостью слушали несчастного узника. Голос его был заглушенный, тоненький и даже крикливый, как будто выходивший из значительного от нас отдаления. Похоже было на то, когда какой-либо шутник, уходя в другую комнату и закрыв рот обыкновенной спальной подушкой, начинает кричать, желая представить оставшейся в другой комнате публике, как перекликаются два мужика в пустыне или будучи разделены между собою глубоким оврагом, – что я имел удовольствие слышать однажды у моих знакомых на святках.

– Иван Матвеич, друг мой, итак, ты жив! – лепетала Елена Ивановна.

– Жив и здоров, – отвечал Иван Матвеич, – и благодаря Всевышнего проглочен без всякого повреждения. Беспokoюсь же единственно о том, как взглянет на сей эпизод начальство; ибо, получив билет за границу, угодил в крокодила, что даже и неостроумно...

– Но, друг мой, не заботься об остроумии; прежде всего надобно тебя отсюда как-нибудь выковырять, – прервала Елена Ивановна.

– Ковыряйт! – вскричал хозяин. – Я не дам ковыряйт крокодилъ. Теперь публикум будет ошень больше ходиль, а я буду фуфциг копеек просиль, и Карльхен перестанет лопаль.

– Гот зей данк! – подхватила хозяйка.

– Они правы, – спокойно заметил Иван Матвеич, – экономический принцип прежде всего.

– Друг мой, – закричал я, – сейчас же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что нам одним этой каши не сварить.

– И я тоже думаю, – заметил Иван Матвеич, – но без экономического вознаграждения трудно в наш век торгового кризиса даром вспороть брюхо крокодилово, а между тем представляется неизбежный вопрос: что возьмет хозяин за своего крокодила? а с ним другой: кто заплатит? ибо ты знаешь, я средств не имею...

– Разве в счет жалованья, – робко заметил я, но хозяин тотчас же меня прервал:

– Я не продавайт крокодилъ, я три тысячи продавайт крокодилъ, я четыре тысячи продавайт крокодилъ! Теперь публикум будет много ходиль. Я пять тысяч продавайт крокодилъ!

Одним словом, он куражился нестерпимо; корыстолюбие и гнусная алчность радостно сияли в глазах его.

– Еду! – закричал я в негодовании.

– И я! и я тоже! я поеду к самому Андрею Осипычу, я смягчу его моими слезами, – заныла Елена Ивановна.

– Не делай этого, друг мой, – поспешно прервал ее Иван Матвеич, ибо давно уже ревновал свою супругу к Андрею Осипычу и знал, что она рада съездить

поплакать перед образованным человеком, потому что слезы к ней очень шли. – Да и тебе, мой друг, не советую, – продолжал он, обращаясь ко мне, – нечего ехать прямо с бухты-барахты; еще что из этого выйдет. А заезжай-ка ты лучше сегодня, так, в виде частного посещения, к Тимофею Семенычу. Человек он старомодный и недалекий, но солидный и, главное, – прямой. Поклонись ему от меня и опиши обстоятельства дела. Так как я должен ему за последний ералаш семь рублей, то передай их ему при этом удобном случае: это смягчит сурового старика. Во всяком случае, его совет может послужить для нас руководством. А теперь уведи пока Елену Ивановну... Успокойся, друг мой, – продолжал он ей, – я устал от всех этих криков и бабьих дрязг и желаю немного соснуть. Здесь же тепло и мягко, хотя я и не успел еще осмотреться в этом неожиданном для меня убежище...

– Осмотреться! Разве тебе там светло? – вскрикнула обрадованная Елена Ивановна.

– Меня окружает непробудная ночь, – отвечал бедный узник, – но я могу щупать и, так сказать, осматриваться руками... Прощай же, будь спокойна и не отказывай себе в развлечениях. До завтра! Ты же, Семен Семеныч, побывай ко мне вечером, и так как ты рассеян и можешь позабыть, то завяжи узелок...

Признаюсь, я рад был уйти, потому что слишком устал, да отчасти и наскучило. Взяв поспешно под ручку унылую, но похорошевшую от волнения Елену Ивановну, я поскорее вывел ее из крокодильной.

– Вечером за вход опять четвертак! – крикнул нам вслед хозяин.

– О боже, как они жадны! – проговорила Елена Ивановна, глядясь в каждое зеркало в простенках Пассажа и, видимо, сознавая, что она похорошела.

– Экономический принцип, – отвечал я с легким волнением и гордясь моею дамою перед прохожими.

– Экономический принцип... – протянула она симпатическим голосом, – я ничего не поняла, что говорил сейчас Иван Матвеич об этом противном экономическом принципе.

– Я объясню вам, – отвечал я и немедленно начал рассказывать о благотельных результатах привлечения иностранных капиталов в наше отечество, о чем прочел еще утром в «Петербургских известиях» и в «Волосе».

– Как это все странно! – прервала она, прослушав некоторое время. – Да перестаньте же, противный; какой вы вздор говорите... Скажите, я очень красна?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эй, Ламбер! Где Ламбер? Видел ты Ламбера? (франц.)

Купить: <https://tellnovel.com/fedor-dostoevskiy/krokodil>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)